

МАСТЕРА
ЧЕРНОГО

RONALD MALFI

BLACK MOUTH

МАСТЕРА
ЧАСОВ

Рональд Малфи

ЧЕРНАЯ ПАСТЬ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
ЕЛЕНА ПЕТУХОВА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)
М18

Ronald Malfi
BLACK MOUTH

Публикуется с разрешения автора и его агентов
Donald Maass Literary Agency (США)
и Alexander Korzhenevski Agency (Россия)

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского:
Елена Петухова

В оформлении использована
иллюстрация *Михаила Емельянова*

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

ISBN 978-5-17-177884-2

© Ronald Malfi 2022. All rights reserved
© Елена Петухова, перевод, 2026
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Для Кангаса

В выздоровлении нет никакой магии.

Общество анонимных алкоголиков

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТРАНА ЖИВЫХ

Глава 1

ДЕТОКС-БУГИ

1

Через неделю после того, как наша мать покончила с собой, моего брата Дэнниса задержала полиция: он брел по обочине извилистого горного шоссе в одних белых «семейниках» и — могу только предположить — с отсутствующим выражением лица. Его обнаружили в шести милях от города, из чего следовало, что Дэннис прошагал под палящим летним солнцем несколько часов. Когда полиция нашла моего брата, он был обезвожен. Лицо запеклось до красноты и блестело, на обгоревшей груди и плечах вздулись волдыри, а безволосый живот над растянутой резинкой трусов усеян бисеринками пота. Должно быть, он походил на только что вымытый переспевший тропический фрукт. Единственным исключением были ноги — босые и покрытые дорожной пылью. Каждый шаг оставлял на асфальте кровавые кляксы.

Я узнал обо всем этом — о Дэннисе, бредущем по обочине в нижнем белье, и о самоубийстве

Часть первая. СТРАНА ЖИВЫХ

нашей матери — от полицейского детектива из Саттонс-Ки, Западная Вирджиния. Каким-то образом он умудрился найти номер моего мобильного и написал мне. По правде сказать, время было не самое удачное. Я только что прошел курс лечения от алкоголизма — одно из условий моей дальнейшей работы на литейном заводе в Огайо, где я трудился последние шесть лет. Я управлял краном, перевозившим сталеразливочный ковш с расплавленным металлом, когда регулировка вышла из строя. И хотя никто не пострадал, ущерб был значительным (включая стоимость очистки и ремонта), а часть завода пришлось на время закрыть. В тот день Лен Прудер, начальник смены, затащил меня к себе в кабинет. Лен был приземистым, похожим на картофелину парнем с проплешинами на голове. Он приблизился к моему лицу — кончик его носа буквально уткнулся мне в губы. Я невольно отстранился.

— Ты пьян, Джейми, — сказал Лен, раздувая ноздри. Его глаза с опухшими красными веками шныряли по моему лицу. — Чертов сукин сын, да от тебя разит, как из пивной. Повезло еще, что никого не убил. Сгребай свои манатки и убирайся.

Так что я сгреб свои манатки и убрался. Однако через два дня мне позвонил начальник цеха, бывший морской пехотинец по имени Йегер, и пригласил на встречу. Едва войдя в комнату отдыха для работников литейного завода, я тут же почувствовал себя как в ловушке: Йегер, Лен и несколько лощенных типов в костюмах сидели по

одну сторону большого деревянного стола, терпеливо дожидаясь моего появления. Как вскоре стало понятно, люди в костюмах были юристами. Защелкали латунные застёжки на портфелях. Один из костюмов спросил, был ли я пьян, когда управлял краном («нетрезв» — так он выразился). Я ответил, что, вероятно, был с похмелья, так как накануне вечером провел несколько часов в пабе Донована, хотя не думаю, что все еще был пьян. Тогда другой костюм поинтересовался, часто ли я прихожу на работу с похмелья. Я ответил — нет, не то чтобы часто, хотя иногда — возможно. По правде говоря, в тот момент у меня в животе была свинцовая тяжесть, а в голове трещало так, словно кто-то выколачивал глазные яблоки кувалдой. Ведь когда тебя увольняют, ты идешь и напиваешься, разве нет? Вероятно, я говорил убедительно или, по крайней мере, искренне, потому что костюмы кивали в ответ и, похоже, остались довольны. Йегер, который по старой военной привычке носил стрижку «ежик» (точно по его макушке прошлись газонокосилкой) даже ухмыльнулся. Только Лен Прудер, сидевший напротив меня за скрипучим деревянным столом в комнате отдыха литейного завода, нахмурился. Его лицо стало пунцовым, а на скулах заиграли желваки.

— Это не первый случай,— заговорил Лен. Выглядел он так, будто его вот-вот удар хватит, на виске пульсировала вена толщиной с соломинку из «Макдоналдса».— От этого парня одни неприятности. Закончится тем, что он убьет себя

или кого-нибудь. Иногда он по нескольку дней не является на работу, и мы вынуждены перестраивать график, чтобы кто-то его прикрыл...

Йегер поднял руку, и Лен Прудер умолк. Адвокаты на конце стола беспокойно заерзали.

Как выяснилось, сталеразливочный ковш уже три года не проходил проверку безопасности, и кто-нибудь пошустрее на моем месте мог бы уйти с этой встречи с солидной денежной компенсацией. Я же был рад просто остаться при своей работе.

— Есть одно условие, Джейми.— Йегер постукал болтообразными пальцами по обшарпанной деревянной столешнице.— Тебе придется пройти курс реабилитации.

— У меня нет денег,— заявил я.

— Это покроет медицинская страховка. В наши дни пьянство считается болезнью. Как рак.

Я заметил, что костюмы дружно напряглись, но промолчали.

— В любом случае, такова политика компании,— продолжил Йегер.— Если хочешь остаться в цехе, без этого никак.

— Вам также придется посещать регулярные собрания Анонимных Алкоголиков, мистер Уоррен,— сказал один из костюмов, листая скрепленную степлером пачку бумаг.

— Насколько регулярные? — спросил я.

— Ежедневные, как минимум.— У парня было щуплое, птичье лицо и кадык, напоминающий звонок на стойке регистрации.— Полити-

кой компании предусмотрено девяносто встреч за девяносто дней.

— Немало. Люди правда ходят каждый день?

— И даже чаще при необходимости.

— Моя страховка покрывает и это?

— Собrania бесплатны,— сказал Йегер.— Я сам был на нескольких.

Поразмыслив секунды три, я согласился. Мне действительно была нужна работа.

Лен Прудер выглядел так, будто хотел броситься через стол и задушить меня.

Через несколько дней я лег в реабилитационный центр. Программа (самая короткая из тех, что они предлагали) была рассчитана на двадцать восемь дней. Женщина по телефону заверила, что мне очень повезло.

— Обычно люди подолгу висят в листе ожидания,— сказала она.

— Не думал, что эти заведения настолько эксклюзивны. Может, мне взять напрокат смокинг?

Женщина на другом конце линии шутку не оценила.

* * *

Я ожидал увидеть казенную обстановку: белые стены, накрахмаленные простыни и санитары в больничной униформе. В действительности место, куда я попал, больше напоминало Зал для военных ветеранов, разделенный на несколько комнат, с голыми полами и обшитыми «под дерево» стенами. Почти на каждой стене висели

распятия и рамки с вдохновляющими фразами. Небольшой чулан играл роль часовни, где можно было помолиться гипсовому бюсту Девы Марии или взять щетку и подмести полы, в зависимости от настроения. По прибытии я заполнил бумаги, после чего женщина средних лет с проседью в волосах и черными точками на крыльях носа отвела меня в комнату, где по-военному в ряд стояли полдюжины коек. Помещение было совершенно безликим, не считая акустических потолочных панелей с желто-коричневыми разводами от протечек воды.

Первые пару дней все шло неплохо. Я ел, смотрел телевизор, читал, играл в настольные игры или пинг-понг с другими пациентами в унылой, обшитой деревянными панелями комнате отдыха, провонявшей сигаретным дымом и тяжелым, сладковатым душком немытой плоти. Там было еще пятеро мужчин, каждого из которых одолевали собственные демоны: почерневшие, спавшиеся вены на руках, беззубые рты и едкие, как вулканический газ, телесные запахи. Один парень, худой, как железнодорожный костыль, ходил с неизменной улыбочкой и вечно щурился, из его глаз нескончаемым потоком текли слезы, а выражение лица никогда не менялось. Он бродил из комнаты в комнату, и я мысленно прозвал его Плачущим Ходоком, предпочитая не говорить ему этого в лицо. Если честно, я вообще предпочитал держаться от него подальше. Как и все остальные. Он производил жутковатое впечатление, поэтому его не трогали. Плачущий

Ходок, по всей видимости, не возражал и просто продолжал плакать и ходить.

По ночам накатывала тревога. Впрочем, мне было не привыкать. Я никогда не спал, что называется, как убитый, хотя кошмары, которые преследовали меня в юности, со временем отступили в темные уголки подсознания. Лежа без сна, я слушал симфонию храпа и пускания газов от соседей по комнате. Не слишком большая цена за то, чтобы сохранить работу.

Но потом что-то изменилось. Я начал замечать проволочную сетку на всех окнах — и не просто замечать, а *заикливать* на ней. Мне внезапно со всей беспощадностью вспомнилось место, где я провел почти год своей юности — и где не было ничего, кроме черных кругов, кругов, кругов. Кожа зудела и казалась слишком тесной. Меня сжимала клаустрофобия. Мне мерещилась кровь на подошвах ног, высохшие ржавые полосы вдоль штанин. Беспокойные ночи превращались в марафоны бессонницы, наполняя мое сознание неопределенными ужа-сами. Я таращился на залитые лунным светом потолочные панели с узором теней от проволочной сетки и горящими глазами-лампами. По потолку в хороводе скользили пятна от воды, словно сговорившись преследовать и мучить меня. В нарастающей паранойе мне казалось, будто *нечто* проникло под мою кровать и застряло там, словно колышек в отверстии, и теперь лежало в полной темноте, слегка пощипывая металлическую сетку пружин. Через несколько

